

История философии, 73. Эмпиризм XIX века.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Наше годичное совместное путешествие по истории западной философии. А именно, четыре недели, посвященные примерно 200 годам эмпиризма, эмпиризму XIX и XX веков. И чтобы получить представление о перспективе, давайте вернемся к этой диаграмме, которая вам знакома, — пересечению современного эмпиризма и рационализма эпохи Просвещения в своего рода синтезе, осуществленном Иммануилом Кантом, из которого возникло различие между двумя методологиями, сохранившимися в философии до наших дней.

Рационализм эпохи Просвещения зародился главным образом на европейском континенте, его авторами были Декарт, Спиноза и Лейбниц. А его продолжением, как мы видели на примере Гегеля, стала, в некоторой степени, экзистенциальная традиция, представленная такими мыслителями, как Уайтхед. В результате получился феноменологический метод, который пытается взглянуть на реальность через призму человеческого самосознания.

Как мы видели на прошлой неделе, феноменологический метод и сегодня продолжает доминировать в европейской мысли, в западноевропейской мысли на континенте. С другой стороны, эмпирическая традиция, Локк, Беркли и Юм, в основном зародилась в Великобритании и продолжилась в XIX веке тремя учеными, которых мы сейчас рассмотрим: Огюстом де Кантом, Джоном Стюартом Миллем и Эрнстом Махом. И величайшим из них является Эрнст Мах.

Нет, возьмите свои слова обратно. Величайшим из них был Джон Стюарт Милль. Простите, последним из них был Эрнст Мах.

Следует особо отметить Джона Стюарта Милля. Но этот неизменный эмпирический подход привел к акценту на универсальности научного метода для всех видов человеческого знания. Сейчас же, в отличие от того времени, способом восприятия мира, линзой, через которую все рассматривалось в европейской традиции, является человеческий дух с его творческой свободой.

И я думаю, это вполне справедливое обобщение, независимо от того, говорите ли вы о Гегеле, Сартре или Дьюи. С другой стороны, линза, через которую эмпирики XIX века смотрят на всё, — это просто линза природы, рассматриваемая с помощью научного метода. И поэтому пути расходятся.

И по сей день, на протяжении всего XX века, справедливо сказать, что господство, философское господство на европейском континенте, носит феноменологический характер. В то время как философское господство в

англоязычной философии носит эмпирический характер. И хотя, возможно, оно не столь империалистично в отношении научной методологии, как это было у Милля в начале XX века, всё же довольно сильная тема заключается в том, что для оценки всего человеческого знания следует использовать некие научные критерии.

Итак, в этом и заключается различие. Конечно, предпринимаются попытки провести параллели между ними, навести мосты. Возможно, я уже упоминал вам, что в конце 1940-х годов состоялась совместная конференция английских и французских философов.

Материалы этой работы были опубликованы в виде тома под названием «Аналитическая философия» (La Philosophie Analytique). И когда вы пытаетесь его прочитать, вы обнаруживаете, что хотя французы пишут на английском языке, что многим из нас помогает, а англичане пишут на французском, они расходятся, как корабли в ночи. Потому что они просто имеют дело с разными вещами.

Или, например, лет пять назад я был на конференции в Торонто, где европейские философы, голландцев было больше, чем французов, и англо-американцы обсуждали концепцию рациональности. Опыт был тот же. Проплывали, как корабли в ночи.

Просто потому, что методология другая, и ожидания другие. Это не значит, что в европейской мысли нет философов с аналитическим складом ума. Есть.

Или, скажем так, в американской мысли нет феноменологических мыслителей. Они есть. Эти крупные кафедры стараются иметь хотя бы одного представителя.

У нас есть один. Робертс. Вот только он как-то увлекся аналитической мыслью.

Благодаря его работам о Витгенштейне, а также о Киркегорде и Бульмане. Так что ситуация такова. Теперь же сегодня я хочу охарактеризовать эмпиризм XIX века, и, возможно, нам придётся продолжить это в понедельник, когда мы перейдём к XX веку.

В следующий понедельник мы перейдём к началу XX века и рассмотрим таких людей, как Бертран Рассел, Джон Стюарт Милль, Джордж Эрнест Мур и Дж. Э. Мур. Но для характеристики XIX века давайте обратимся к этим трём акцентам. Расширение объективности эпохи Просвещения на гипотетико-дедуктивный метод, и я, возможно, чтобы сделать это немного яснее, описал его именно как гипотетико-дедуктивный метод.

Иными словами, методология, применимая к науке в духе просветительской объективности. Отвергая кантовскую коперниканскую революцию. Что же я подразумеваю под гипотетико-дедуктивным методом, этим выражением? Вы обнаружите, что оно становится для вас все более знакомым.

Но предшествующая просветительская мысль этих эмпиристов XVIII века, конечно же, основывалась на предпосылках, представляющих собой эмпирические обобщения, и на их основе делались дедуктивные выводы. А если мы говорим о континентальных рационалистах, таких как Декарт, Спиноза, то перед нами предстают некие интуитивные, самоочевидные, врожденные, априорные предпосылки и дедуктивный метод. Другими словами, методология просветительской мысли заключалась в переходе от предпосылок через дедукцию к логическому заключению.

Либо априорные, либо эмпирические предпосылки. Врожденные идеи XIX века и тому подобное вызывают сомнения. Эмпирические обобщения крайне сложно проверить.

Их можно опровергнуть, но проверить эмпирически довольно сложно, и возникает проблема индукции. Поэтому вместо эмпирических обобщений или априорных посылок акцент делается на гипотезе как посылке. Итак, если из эмпирической гипотезы следует, что истинно, то из этого следует гипотетико-дедуктивный подход.

Итак, гипотеза, лежащая в основе предпосылки, приводит к дедуктивным методам. Это гораздо больше соответствует реальному научному методу. Вспомните, что одним из критических замечаний в адрес Фрэнсиса Бэкона и его индуктивных методов было то, что он не оставлял места для использования гипотез.

Экспериментальные методы, но без гипотез. Здесь мы видим более зрелый подход, характерный для XIX века, и гипотетический дедуктивный метод. Именно такое понимание научного метода сформировалось у Джона Стюарта Милля, Эрнста Маха, Бертрانا Рассела и в логическом позитивизме XX века.

На самом деле, эта проблема была окончательно решена только в книге Томаса Куна «Структура научных революций», когда было признано, что наука работает скорее с парадигмами, чем с гипотезами. Понятно? Так что имейте это в виду. Теперь о второй характеристике.

Расширение этого метода, гипотетического дедуктивного, на гуманитарные науки. Ранее существовала тенденция рассматривать науку исключительно как область, охватывающую физику и астрономию. С этого все и началось.

В игру вступила химия. Биология – постепенно. Но значимым событием в XIX веке стало распространение подобных методов на гуманитарные науки.

То есть, к психологии, к социологии, к политике. Попытка также применить это к этике, чтобы этика могла стать эмпирической наукой. Именно к этому стремился Джон Стюарт Милль в своем утилитаризме.

Он хотел создать эмпирическую научную этику. Поэтому распространение этого научного метода на человеческие знания, естественные и социальные науки в некоторых кругах стало известно как сциентизм . Сциентизм .

Наука, и только наука, дает достоверные знания. Сциентизм . И, конечно же, наши континентальные друзья были бы в ярости из-за подобных вещей.

А что насчет человеческого духа? Что насчет феноменологического метода и так далее? В самом деле, в этом свете можно вспомнить попытку Гуссерля справиться с тем, что он называл кризисом в науках. Он хочет превратить философию в строгую науку, но не с помощью гипотетического метода. Видите ли, с помощью априорных принципов, выведенных феноменологическим методом.

Итак, все это имеет свои последствия. И следствием такого распространения научного метода на глобальный уровень является развитие феноменализма, антиреализма и антиметафизики. Да, феноменализм, все, что мы знаем, — это феномены.

Вещи такими, какими они нам представляются. То, что мы сегодня называем антиреализмом. Мы не познали познание высшей реальности такой, какая она есть сама по себе .

И в итоге, особенно в XIX веке, происходит отказ от метафизики. И я думаю, это особенно важно в XIX веке, потому что природа метафизики, видите ли, рассматривалась с точки зрения различия между феноменами и ноуменами. Рассматривалась, если хотите, в свете репрезентативной теории познания, которая оставила множество вопросов без ответа относительно реальности, которую она должна представлять.

Примечательно, что работы таких людей, как Брэдли, по метафизике носят названия вроде «Явление и реальность». Именно так называлась работа Брэдли — «Явление и реальность». По сути, позитивистское движение утверждает, что мы знаем только явления , исключая реальность.

Обратите внимание, читая Джона Стюарта Милля. Если вас интересует вопрос о разуме и теле, что же такое разум? Милль говорит, что разум — это всего лишь

постоянная возможность размышлений, идей размышлений. Разум — это не вещь.

Мы ничего не знаем о его реальности. Под словом «разум» мы подразумеваем, ну, то, что предположительно связано с дальнейшим опытом в будущем, постоянную возможность размышления. Так в чём же дело? Постоянная возможность ощущений.

Вы скажете: «Это не главное, а главное». Что ж, феномены — вот что для нас важно. Таким образом, у Конта, Милля и Марка формируется всесторонне феноменалистский взгляд.

Бертран Рассел — и да, и нет, в зависимости от того, о каком десятилетии его карьеры вы читаете. Он оставлял за собой право человека менять свое мнение и порой делал это весьма успешно. Вот такая характеристика.

Итак, как это проявляется в этих личностях? Ну, во-первых, Огюст Конт, француз, умер в 1857 году. У вас есть глава о Конте в книге Штумпфа, и есть несколько отрывков в антологии Гарднера. Вы обнаружите, что труды Конта легко найти и легко читать.

Обратите внимание на две вещи. Во-первых, на его закон трех стадий. Во-вторых, на его утверждение о единстве науки.

Закон трех стадий — это его формулировка эмпирического обобщения об истории науки. Он эмпирист, и его интересует история науки. Поэтому он собирается представить вам эмпирическое обобщение об истории науки.

А именно, наука проходит три стадии развития. От религиозной стадии к спекулятивной, а затем к научной. Религиозная стадия, конечно же, порождает теологию, мифологию и так далее.

Вымысел, вымышленные истории, такие как Божественный обряд королей, из-за которого Карл I лишился головы, помните? Или фетиши в первобытном анимизме. Представления о божественном провидении.

Это образное детство человеческого разума. Второй этап — спекулятивный. Он связан с абстрактными идеями, конструкциями, метафизическими конструкциями, такими как теории универсалий и сущностей.

Этика и юриспруденция естественного права. Теории естественных прав. Демократические идеалы, такие как «все люди рождаются равными», едва ли являются эмпирическими обобщениями.

Представления о телеологии, алхимии, астрологии и конечных причинах. Видите ли, все это связано со спекулятивными теориями о скрытых реальностях. Это юность человеческого разума.

Но третий этап — эмпирический, научный, он касается того, что известно наверняка, того, что мы можем утверждать наверняка. Отсюда и термин позитивизм. То, что можно утверждать наверняка.

Безусловно. Это зрелость, зрелость человеческого разума. И именно на этом научном этапе мы пытаемся сформулировать общие законы покрытия.

Общий закон покрытия — это эмпирическое обобщение, охватывающее все данные. Общие законы покрытия. И именно на основе этих общих законов, обобщений, можно делать прогнозы.

И, следовательно, необходимо развивать технологии, позволяющие использовать природные процессы. Таким образом, позитивным этапом является эволюция наук. Сейчас он пытается проследить развитие различных наук именно таким образом.

Религия эволюционировала до метафизической стадии. Большая часть теологии — это просто метафизика. Химия, конечно же, эволюционировала от примитивного фетишизма через алхимию к науке, эмпирической науке.

Но больше всего он стремится к развитию науки о социальных изменениях. Науки о социальных изменениях. В конце концов, он живет во Франции в первой половине XIX века.

А если вы знакомы с французской историей, то знаете, что это была эпоха потрясений. Поэтому нам нужна наука, эмпирическая наука, о социальных изменениях. И это начало того, что сейчас стало социологией.

Студенты, изучающие социальные науки, если вы заглянете в историю своей специальности, вы обнаружите, что всё началось именно так. Ах да, был ещё один человек, примерно того же возраста, чуть старше Огюста Корна, — Сен-Симон. Но социология зародилась как попытка стать всесторонне эмпирической наукой.

И лишь в последние годы, за десятилетие-два, социология начала включать в себя некоторые элементы феноменологической традиции и признавать субъективность и тому подобное, влияние таких людей, как Макс Вебер. Теперь единство науки — это второй акцент в работах Огюста Корна. Всё очень просто.

Речь идёт о представлении, что все науки в основном следуют одному и тому же методу. Все науки в основном следуют одному и тому же методу. Нет различия между изучением природы и изучением человека.

Для обоих подходов должен применяться один и тот же метод. И этот тезис о единстве наук — одна из тех идей Канта, которая сохранилась и в XX веке, — акцент на единстве наук. Именно с этим работает Дьюи, пытаясь взять разработанный им научный метод в области реконструкции и философии и сказать, что его необходимо применять к социальным изменениям, к решению социальных проблем, к политике, к образованию и так далее.

Единство наук. Различия между науками заключаются в их сложности. В этом отношении социология, например, должна опираться на психологию.

Психология должна опираться на биологию. Биология должна опираться на химию. Химия должна опираться на физику.

Физика должна строиться на основе математики. Таким образом, существует иерархическая структура наук с точки зрения их сложности. И интересно, что исторически они развивались именно в такой последовательности, становясь все более сложными.

Что ж, это моё краткое изложение трудов Огюста де Канта. Обратите внимание, если у вас есть антология Гарднера, вы её принесли? Мне следовало вас предупредить. Обратите внимание на страницу 151, его комментарии о Декарте.

Каждый французский философ должен платить дань Декартову союзу. А вот дань Канту. В то время как Декарт оказывал миру славную услугу, создавая целостную систему позитивной философии, да, вы точно знаете, что этот реформатор, со всей своей смелой энергией, не смог подняться настолько выше своего времени, чтобы придать ей полное логическое развитие, включив в неё ту часть физиологии, которая относится к интеллектуальным и моральным явлениям.

Раздел физиологии, изучающий интеллектуальные и моральные явления. После того как он сформулировал обширную механистическую гипотезу на основе фундаментальной теории самых простых и универсальных явлений, он распространил тот же философский дух на различные элементарные понятия, отношения животного организма. Но когда он дошёл до чувств и интеллекта, он резко остановился и выделил из них отдельную область изучения как составную часть метафизико-теологической философии.

Такое слово должно означать что-то плохое. Поэтому он попытался вдохнуть в него новую жизнь, после того как гораздо успешнее подорвал его научные основы. А на следующей странице, внизу, на странице 152, он, видите ли, стремится к позитивной теории аффективных и интеллектуальных функций, которая заключается в следующем.

Оно состоит из экспериментального и рационального изучения явлений внутреннего восприятия, идей отражения, свойственных ганглиям головного мозга, физиологии мозга, вне зависимости от всех непосредственных внешних механизмов. Ему бы следовало иметь собственную нейронауку. Таким образом, то, к чему он стремится, совершенно очевидно, и вы замечаете, что в силу этого расширения научного метода он отстаивает методологический натурализм того рода, с которым мы познакомились у Джона Дьюи.

Верно? Такой, с которым мы познакомились у Джона Дьюи. Думаю, именно поэтому один мой профессор однажды организовал семинар, заявив, что его позитивизм и прагматизм — это одно и то же, и оба пути ведут в тупик. Понимаете? Потому что они ограничиваются рамками эмпирической науки.

Хорошо. Вопросы? Комментарии? Думаю, это очень просто, и вы, вероятно, сразу всё поняли. Хорошо.

Джон Стюарт Милль. Думаю, справедливо будет сказать, что Милль — самый эмпиричный из всех эмпиристов. Вы имеете в виду больше, чем Локк и Юм? Да.

Юм, видите ли, говорил о двух видах знания. Фактическое знание, отношения идей. Отношения идей — это аналитические истины, предикаты, содержащиеся в субъекте, подобно математике.

Милль утверждает, что математика — это эмпирическая наука. Три плюс пять равно восьми — это эмпирическое обобщение для всех множеств из трех и пяти. Следовательно, аналитические истины на самом деле являются эмпирическими обобщениями, или, если хотите, эмпирическими гипотезами.

Законы мышления, непротиворечивость, тождественность, A равно A , а не не- A , — это эмпирические обобщения о том, как мы мыслим и используем язык. Другими словами, Милль сводит эти первопричины к психологическим обобщениям. Обобщениям, то есть, о том, как мыслит разум.

Именно это Гуссерль подразумевал под психологизмом, который он осуждал. Психологизм не обеспечивает адекватного основания для математики, логики и так далее, помните? Психологизм.

Так что это именно то, против чего боролся Гуссерль, то, что мы предвидели. Но в этом шаге Милль отвергает все интуитивные знания, все врожденные знания, все самоочевидные истины. Фактически, значительная часть его работ по эпистемологии была написана в контексте критики философии сэра Уильяма Гамильтона, одного из шотландских реалистов.

И знаете, шотландские реалисты, в традиции Томаса Рида, говорили о самоочевидных истинах. Истинах, в которые мы естественным образом спонтанно приходим в силу склонностей человеческого разума, заложенных в человеческой природе, созданной Богом. А Милль, в духе Просвещения, говорит, что это недостаточно достоверно, недостаточно позитивно.

Эти истины — всего лишь эмпирические обобщения. Эмпирические гипотезы, если хотите. Утверждение, что обобщения и самоочевидные истины на самом деле являются гипотезами, помогает понять, как Милль разработал гипотетический дедуктивный метод.

Но это также помогает понять, как он может быть эмпиристом и говорить о принципах, на которых основана дедукция, как об эмпирических. Силлогизм, видите ли, должен не только иметь посылки, но и иметь обоснованные выводы, связи, соответствующие законам логики. Но если законы логики — это эмпирические обобщения, а посылки — это эмпирические обобщения, гипотезы, если хотите, то вы получаете, по сути, силлогизм как манипуляцию эмпирическим знанием.

Вот и все. Индуктивное рассуждение, как он признает, предполагает единообразие природы, принцип индукции и единообразие природы. На это указывал Милль.

Итак, по мнению Милля, единообразие природы — это всего лишь наша самая широкая эмпирическая гипотеза. Это эмпирическое обобщение, экстраполированное на всё. Хорошо, это и есть гипотеза.

Таким образом, это сугубо эмпирический метод. В своих работах по логике Милль много писал на эту тему и усовершенствовал индуктивные методы Бэкона. Вы помните его таблицу присутствия, таблицу отсутствия и так далее.

Он усовершенствовал эти, по сути, те же самые методы, но немного уточнил их, чтобы добиться той точности в позитивном знании, которую он хотел. Таким образом, именно так он подходит не только к естественным наукам, но и к науке о человеческой природе. Итак, как я только что говорил, когда он спрашивает о природе материи, его ответ очень прост, очень прост: материя, этот термин, имеет своим смыслом, эмпирической основой, своим смыслом, просто постоянную возможность ощущения.

С эмпирической точки зрения, существование материальных тел означает, что ощущения возможны. И точно так же существование разума означает постоянную возможность размышления. Видите ли, он просто развивает идеи Джона Локка, простые представления об ощущениях, простые представления о размышлении.

Но, отбросив взгляд Локка на реальность материи как субстанции, субстрата, и отбросив взгляд Локка на реальность разума или души как нематериальной субстанции, того, что мыслит, он отказывается от метафизики, отказывается от спекуляций. Обратите внимание, что это очень близко к взглядам Дэвида Юма, который называл разум просто совокупностью восприятий. На самом деле, я думаю, это не настолько скептически, как у Дэвида Юма.

Видите ли, когда Юм говорил, что всё, что мы знаем о разуме, — это совокупность восприятий, он имел в виду наши нынешние восприятия, которые включают в себя воспоминания, которые мы считаем прошлым, и предвкусения, которые мы считаем будущим. Но для Юма разум — это просто эта нынешняя совокупность восприятий. За пределами этого настоящего опыта у нас нет знаний, нет знаний о фактах, выходящих за рамки настоящего опыта, этой совокупности восприятий.

Локк, конечно, утверждал о личной преемственности, личной идентичности через память, знание прошлого, что, по мнению Юма, не подтверждается. Возможно, это и правда. Мы не можем это доказать.

Однако, когда Милль говорит о постоянной возможности, он имеет в виду, так сказать, эмпирическое обобщение о материи или разуме как о гипотезах. Видите ли, если существует постоянная возможность ощущения, если существует постоянная возможность размышления, то это больше, чем просто нынешний набор восприятий. Это личная непрерывность, по крайней мере, непрерывность сознания.

Итак, он отказывается заниматься метафизикой. Возможно, стоит поэкспериментировать с параллелями между этим и Жан-Полем Сартром. Никакого трансцендентального эго.

Каждое новое восприятие, принимаемое за меня, создает для меня новое «я». Понимаете? Как будто он говорит, что «я» — это просто постоянная возможность новых размышлений и новых переживаний для меня. Так что, в общем, мы имеем примерно тот же результат в английской философии XIX века, к которому приходит Сартр в континентальной мысли XX века.

Видите ли, это растворение «я». В самом деле. Растворение «я».

Итак, вот почему этика, которую разработал Милль, его утилитарная этика, сталкивается с проблемой, которую ей так часто приписывают. Принцип полезности, конечно же, гласит, что мы должны максимизировать удовольствие и минимизировать боль для максимального числа людей. Он говорит о том, что к людям следует относиться как к совокупности болезненных и приятных переживаний.

Но что еще можно сделать, если ты Милль, если самость — это всего лишь постоянная возможность переживаний? С этической точки зрения, все, что ты можешь сделать, — это рассматривать самость именно так и пытаться максимизировать количество позитивных переживаний. В утилитаризме нет оснований для уважения к личности в кантовской традиции. По той простой причине, что у него нет представления о личности, выходящего за рамки простого набора переживаний.

Понимаете ? Справедливость. Права человека. Этими словами мы обозначаем определенные полезные вещи, которые приносят положительные впечатления.

Таким образом, мы ценим справедливость за её полезность, а не потому, что она правильна. Первостепенного права не существует, поскольку нет понятия личности с неотъемлемыми правами. Именно поэтому Джону Стюарту Миллю пришлось разработать утилитарную теорию наказания, тогда как ранее наказание рассматривалось в ретрибутивистском смысле.

Кстати, карательное наказание — это не месть или возмездие. Это психологический процесс. Возмездие — это просто привлечение человека к ответственности, привлечение его к ответственности и, так сказать, попытка сохранить баланс в обществе в отношении того, что ему не принадлежит.

Это попытка, в данном контексте, достичь социального равновесия. Однако Милль не нашел для этого оснований, поэтому он разработал утилитарную теорию наказания, опираясь на принципы морали и законодательства Джереми Бентама, в которой Бентам выступал за применение наказания с целью исправления правонарушителя, предотвращения его повторного совершения, не возлагая на него моральную вину в классическом смысле. Таким образом, по сей день в нашем обществе существует как минимум две теории наказания.

Одна из них — ретрибутивистская, другая — утилитаристская, иногда — их комбинация. Ретрибутивистская теория была сформулирована Кантом и Фомой Аквинским, но с элементами телеологии. Наказание имеет свою цель.

Да, надеюсь, здесь есть цель искупления, вы поймете. Но в нашем обществе это две основные цели, и в целом наши пенитенциарные учреждения, похоже,

действуют на основе утилитарной теории наказания. Несколько лет назад в Великобритании произошло развитие идеи, которая, опираясь на утилитарную этику, стала отстаивать терапевтическую теорию наказания.

Иными словами, не называйте это наказанием вообще; называйте это терапией. Идея заключается в том, что преступник эмоционально нездоров, социально дезадаптирован, поэтому ему необходима какая-то психологическая терапия. И это вызвало большой резонанс, потому что, казалось, еще больше принижало индивидуальную ответственность.

Возможно, вам известно, что у К. С. Льюиса есть статья на эту тему в сборнике «Бог на скамье подсудимых», статья, которая называется «гуманитарной теорией наказания», потому что она так и называлась. Его аргумент заключается в том, что она просто дегуманизирует человека. Она рассматривает человека не как личность, совершившую какое-то действие, а как винтик в механизме окружающей среды, у которого не было выбора. Поэтому философский вопрос свободы и детерминизма в этом контексте становится очень острым.

Итак, Милль затрагивает вопрос свободы и детерминизма, независимости и необходимости. И, будучи антиметафизиком, он вынужден отвергать нецесситаризм, который он иногда называет сегодня жестким детерминизмом. Иными словами, для каждого человеческого решения и действия существуют достаточные причины, так что никакое другое решение или действие не могло бы произойти.

Несесситаризм. Предшествующие причины являются одновременно необходимыми и достаточными. Вот такой взгляд на причинность, феноменалистский, от которого он не смог отказаться.

Это означало бы, что мы знаем то, что Юм называл необходимыми связями, а он соглашался с Юмом в том, что мы их не знаем. Таким образом, мы имеем дело с отказом от нецесситаризма. С другой стороны, он не одобряет либертарианство, которое сегодня обычно называют индетерминизмом.

Ему не нравится точка зрения, согласно которой человеческий выбор, человеческая воля, свободны и человек может выбрать что-то другое. И ему это не нравится из-за постоянных противоречий.

Термин Юма описывает постоянные взаимосвязи между мотивом и действием, включая активную волю. Иными словами, существуют предшествующие психологические факторы, необходимые для совершения любого действия. Таким образом, кажется, существует постоянная взаимосвязь между этими предшествующими факторами и действием.

Мы не можем утверждать, что это необходимо . Это метафизическая теория. Мы этого не знаем.

Таким образом, он предлагает своего рода компатибилизм, как его иногда называют, или мягкий детерминизм. Он хочет подтвердить, что да, мы принимаем решения. Мы делаем выбор.

В этом смысле, да, он согласен с утверждением о воле, выборе, не ограниченном внешними причинами. Но он отрицает, что этот выбор ограничен, нет, он отрицает, что он обусловлен внутренними причинами. И это, конечно же, эта точка зрения, этот мягкий детерминизм, явно подпитывает его утилитаристскую этику и так далее.

Потому что если верно, что мы реагируем на причинные факторы, которые, согласно нашим общим предположениям, приведут к удовольствию или боли, то те факторы, на которые мы реагируем, делая выбор, будут влиять соответствующим образом, и, следовательно, утилитарный подход является следствием этого. Хорошо. Его утилитарная этика очень адекватно рассматривает этот вопрос.

Он разрабатывает теорию убеждений, которая во многом похожа на теорию свободы. Согласно этой теории , убеждения не столько выбираются свободно, сколько формируются психологически. Корни этой теории также уходят в работы Юма.

Помните психологию убеждений Юма? Постоянные конъюнкции приучают разум ожидать определенных вещей или думать, что существует необходимая связь. Таким образом, у него схожая психология убеждений с психологией Дэвида Хилла. Вот такая картина представлена у Милля, и вы можете увидеть, я надеюсь, достаточно ясно, что гипотетический дедуктивный метод распространяется и на гуманитарные науки, да, когда речь идет о разуме, о свободе и необходимости, об этике.

Видите ? Да? Вам нужны общие гипотезы в качестве предпосылок, если вы собираетесь предсказывать последствия определенного действия, связанные с удовольствием и болью, и принимать утилитарные решения. Так что распространение этого принципа на гуманитарные науки довольно очевидно , как и, ладно, Милль? Я не совсем понимаю, Эстер. Да.

Хорошо. Не путайте его использование слова «возможность» с аристотелевским подходом, где возможное находится в процессе превращения в действительное. Понимаете ? Под постоянной возможностью ощущений он подразумевает лишь то, что, когда мы говорим о стуле, столе, маркере,

человеческом теле, мы имеем в виду, что считаем эти вещи видимыми, осязаемыми.

Видите ? Обратите внимание на окончание: видимое, осязаемое, слышимое, осязаемое. Понимаете ? То есть, если существуют материальные тела, то пока они существуют, существует и возможность чувственного опыта. Вот и всё.

Теперь, будут ли у вас, знаете ли, когда-нибудь подобные чувственные переживания , увижу ли я когда-нибудь снова Эстер, понимаете, это вопрос случайный. Но сказать, что Эстер реальна, она жива, обладает телесным существованием, значит сказать не больше, чем то, что она видимое существо. Но материя в смысле ньютоновского пространственного обитателя — это совсем другое дело.

Этого мы сделать не можем. Теперь, аналогично с разумом. Когда я говорю о вашем разуме, когда вы говорите о своем разуме, вы, по сути, утверждаете, что наличие разума означает, что у вас будут всевозможные состояния сознания, над которыми вы сможете размышлять.

А вот получится у вас или нет, зависит от того, достаточно ли долго вы бодрствуете. Это вопрос случайный. Но иметь разум — значит размышлять.

Что же Декарт говорил о мыслящей сущности? Милль же отказывается от этой сущности и остается только в рамках мышления. Таким образом, он избегает метафизической гипотезы, придерживаясь эмпирической. Это может показаться немного странным, но если вы пытаетесь говорить о человеке исключительно в эмпирических терминах, как иначе это сделать? Единственный способ говорить о человеке — это использовать физические данные, полученные с помощью чувственного восприятия, и данные, полученные посредством рефлексии.

Телесная история рассказывается на основе данных, полученных с помощью физических ощущений, а внутренняя, ментальная история — на основе данных, полученных посредством рефлексии. Это все эмпирические данные, которыми мы располагаем о человеке. Достаточно понятно? Хорошо.

Позвольте мне добавить пару замечаний об Эрнсте Маха. Он умер в 1916 году, австрийский физик, и две вещи, которыми он важен, две вещи. Первая — это его склонность к сенсационализму, как это обычно называют.

Он написал книгу под названием «Анализ ощущений», в которой утверждал, что мы можем анализировать каждый объект опыта, разлагая его на наблюдаемые чувственные качества. Таким образом, он хочет сделать то же самое, что и Мель, — описать феноменальные объекты, объекты опыта, исключительно на

основе чувственных данных. И в этом смысле мир, наш мир, наш научный мир, состоит лишь из ощущений, чувственных качеств.

В науке недопустимы никакие неэмпирические метафизические утверждения. Второе важное замечание содержится в его книге о науке механики, где он настаивает на том, что научная теория — это всего лишь экономичный способ описания связей между чувственными данными. Теперь объединим эти два момента, и получим, во-первых, наука может говорить только о чувственных данных.

Во-вторых, научные теории, следовательно, — это всего лишь теории, относящиеся к данным, полученным с помощью органов чувств. Понятно? Теории, относящиеся к данным, полученным с помощью органов чувств. Связи не заданы; есть связи между данными, полученными с помощью органов чувств.

Мы структурируем чувственные данные определенным образом, так что объекты, о которых говорит наука, являются идеальными объектами, феноменальными объектами, которые мы сами структурировали, а не объектами в их естественном виде. Таким образом, этот взгляд на науку, как у Уэйса, так и у Милля, становится известен как инструментализм. Научные теории — это всего лишь инструменты для выполнения практических задач.

Вместо отдельных фрагментов знаний о какой-либо реальности как таковой . Это классический антиреалистический взгляд на науку. Что ж, это три характерные черты эмпиризма XIX века.

Запомните это, и мы вернемся к этому в понедельник, когда будем рассматривать Бертрانا Рассела. Хорошо? У вас есть задание на чтение на эту неделю. У вас есть задание на чтение на следующую неделю, только я добавлю еще кое-что в понедельник.

Помните, я говорила, что в среду к нам придет гость, который выступит перед классом? Так что, увидимся тогда.